

ТАТЬЯНА ПАНОВА

Родилась в 1965 году в д. Аксурка Вагайского района Тюменской области. Живёт в Таре.

В литературно-краеведческом альманахе «ТарЯне» публикуется впервые.

КЛАДОВКА

Сказка-быль для взрослых и детей

Аккуратный добротный дом, обшитый вагонкой и окрашенный голубой краской, с воротами и резными наличниками, стоял на берегу широкой реки, в живописном месте. Слева и справа соседние дома окнами-глазами глядели на речную гладь, а тыльной стороной участков – дровяниками, сарайками, банями и огородами – стремились к краю деревенской околицы, за которой росли красавицы-берёзы, грациозные тополя да вечнозелёные сосны и ели.

В этой гармонии воды, природы, творения рук человеческих посчастливилось проживать Анастасии Петровне, Хозяйке героев нашей сказки-были. Обычная, на первый взгляд, женщина – среднего роста, приятной полноты, с проседью в волосах, она не выделялась особо среди односельчанок, но вот плавность движений, озорной блеск карих открытых глаз, мягкая улыбка и ямочки на щеках выдавали характер добрый да нрав весёлый.

Жила Петровна в своём домике одна. Одиночество её не тяготило. Она наслаждалась привычными будничными трудами и хлопотами, да воспоминаниями светлыми, да надеждами на хорошее будущее. Дом был невелик, кухня да комната. В кухне русская печь. Вход в дом со двора на окрашенное крылечко, с крылечка – в сени, а в сенях отгорожена кладовка. Вот тут-то и проживали наши герои.

Тс-с! Давайте тихонько послушаем, что там происходит ...

После 12 часов ночи, когда жизнь в Деревеньке затихала, лишь временами нарушаясь

собачьим лаем, обитатели Кладовки оживали. Распахивалась крышка старинного окорванного железом деревянного Сундука, и из глубины его нафталинового нутра доносилось лёгкое шуршание Настинных девичьих платьев. Были они в основном ситцевые да штапельные, лишь парочка шелковых, важно скрестив руки-рукавчики, горделиво поглядывала по сторонам.

Первым беседу начал, на правах главного информатора, пожилой Телефон с крутящимся диском для набора номеров. Был он некогда бирюзовым, а ныне выцветшим и слегка глуховатым.

– Слышал, появились в миру новомодные штучки, и обзывают их люди «ну и гад же ты!».

– Ха-ха-ха! Уморил ты, дядя Телефон! Не «гад же ты», а Гаджеты. Это такие современные Телефоны, Планшеты, Ноутбуки... – затараторила некогда белая дамская Сумочка с потрескавшимися ручками и застёжкой «поцелуйчик», хранящая внутри себя бумаги и документы, когда-то очень важные.

– Вот был я в молодости красивым и нужным, – запричитал Телефон. – Хозяюшка к ушку своему прижимала, на серёжки серебряные её любовался. Слова говорила Анастасия Петровна разные: серьёзные и пустяковые, строгие и ласковые. Всё знал, что в колхозе происходит, у соседей, да и вообще в мире. Теперь, слышал, есть у неё трубка одна, худая, как моя жизнь. А на трубке той циферки да буквы. Ни проводов тебе, ни кабеля. И может носить Петровна ту трубку с собой, в кармане даже, и разговаривать, где застанет звонок.

– Ой! Да не ворчите вы, дядя Телефон! – махнула ручкой Сумочка. – Зато сейчас Хозяйка может поговорить в любое время и в любом месте. Вот дочка её, Алёна Павловна, с мужем да детьми живёт в городе. Позвонит маме, поговорят, про здоровье друг у друга спросят, про дела вообще и живут себе спокойно дальше. А раньше – звонит кто, вы кричите, трелью заливаются, дозваться

не можете Хозяйку, которая в это время в огороде грядки полет, сорняки убирает. Или снег во дворе чистит, коль зима это. И сами вы, дядюшка, оглохли от такой жизни.

В это время Утюг, неисправимый романтик, манерно подняв вверх шнур с двумя пальчиками-вилкой, продекламировал из своего угла:

– В полотняной стране

По реке Простыне

Плывёт пароход

То назад, то вперёд.

А за ним такая гладь –

Ни морщинки не видать!

– Какую оду сочинил мне человек! – гордо произнёс он.

– Да не ода это, а загадка детская, – съязвила Сумочка.

На неё зашикали платья из Сундука:

– Вы такая умная и важная дама, зачем обижаете нашего друга Утюга? Ну и пусть себе думает, что ода! Он такой добрый, тёплый! В былые времена все складочки да помятости наши разглаживал. Настенька наденет одно из нас да в клуб, на танцы. Вот радости-то!

– Ну да! – донеслось из Коробки на полу. – Помним мы эти танцы! – заговорили Туфли-лодочки. – Пока танцует с каким парнишкой, он, бедолага, все носки нам обтопчет. А Настюшка что? Хохочет девка!

– А мы, – проскрипели рваные Калоши, соседи Туфель по коробке, – в огород с Настей ходили, ножки её берегли от грязи да сырости.

– Мы Настеньку грели зимой сибирской, от холода спасали, – в свою очередь тихонько проговорили скромные войлочные стоптанные Сапоги. – Хоть и не замшевые мы да и не кожаные, и обзывали нас обидно «прощай молодость», а любила нас Хозяюшка за простоту, тепло и удобство.

– Эх, единички-десятки-сотенки! – защёлкали деревянные Счёты. – И послужили же мы Анастасии Петровне верой и правдой, пока работала она бухгалтером в

колхозе. Ох, и повидали кипы бумаг, деловых и важных! И сводили дебет с кредитом! А сколько отчётов переделали, годовых и квартальных! А как ловко да быстро пальцы хозяйкины гоняли костяшки наши. Только щелкотня стояла в конторе!

– Слышал я, – вступил в разговор Телефон, – заменили вас, деревянные брякалки, на Калькуляторы и на эти... как их... Кампутеры...

– Компьютеры, – поправила Сумочка. – И называют контору теперь по-модному – офис.

– Ах ты ж, Господи прости! Чисто антихристы, – проснулась в своём углу стоящая Старинная Икона, деревянная, с потрескавшейся от времени краской. Принадлежала она Настинной бабушке, хранилась в Сундуке с «товаром», и в один из тёплых летних дней, когда Петровна наводила порядок в Кладовке, была перенесена на видное место, на вышитую и выцветшую салфетку. Берегла Икона в своём полустёртом Лике память рук жилистых, натруженных непосильным трудом, Женщины-Матери, овдовевшей солдатки, пережившей войну, голод и разруху.

– На всё твоя воля, Господи! – шептала Иконушка.

Тут в разговор вступил доселе молчаливый старый Рубанок, завёрнутый в тряпицу. Его Анастасия Петровна хранила в память об отце своём, Петре Прокопьевиче. Лежал он на дне Сундука по соседству с вышитыми салфетками и выбитыми оконными задергушками – трудами Федосии Алексеевны, Настинной мамы.

– Мастеровой был Пётр Прокопьевич, за что ни возьмётся, всё спорится, – проговорил Рубанок. – По дереву большой специалист. Не выпускал, почитай, инструмент плотницкий из мозолистых рук. Всё пилил, строгал, колотил. Настюшку, дочурку, как любил! Игрушки незатейливые делал – то кровать кукольную, то столик. Настюшка радостная, позовёт соседскую девчонку

Клаву – играют, шепчутся, хохочут. А Пётр Прокопьевич поглядывает на них искоса да в усы себе улыбается.

– Тут и матушка, Федосия Алексеевна, спешит к девчонкам с чашкой пирожков румяных да шанежек ароматных. Любила она побаловать мужа, дочурку, да и подружку ейную заодно, вкусеньким, у Русской Печки похлопотать. – То держал речь стройный трудяга Ухват. Он притулился рядом с деревянной Лопаткой, которой доставались из Печи горячие Противни с выпечкой.

– А как повзрослела Настя, стала девицей-красавицей. Привела жениха приезжего, Павла. Приняли родители Насти парня детдомовского как родного, – вновь слышалась речь Рубанка. – Неподальёку от своего дома помогли построить дом молодым. Обшили его вагонкой, покрасили. Пётр Прокопьевич эвон какие наличники смастерил и ворота резьбой украсил. Загляденье!

– А когда через год после свадьбы у молодых дочка Алёнка родилась, тут и мне дело нашлось, – заговорила висевшая на гвозде дырявая Ванна. – Я молодая была, ни царапины на мне, ни ржавчины. Налъёт Анастасия водицы тёпленькой да травки заваренной нацедит – ромашки, череды. Накупают пухляшку Алёнку – щёки красные, глазки карие блестят, волосы белокурые. Чисто куколка.

– Вот только не стало мамы и папы у Насти, деда и бабы у Алёнки. В один год ушли, родимые, – донеслось из угла Сундука. То горевали Салфетки да Полотенца вышитые.

Вновь воцарилась тишина.

– Царствия Небесного, – слышали обитатели Кладовки тихий плач Иконы.

– Показывал я как-то Юмориста одного, – пробасил со своего места большой толстый чёрно-белый Телевизор «Рекорд». – Хозяйка сильно смеялась, когда он рассказывал о людской страсти хранить кучу ненужных вещей.

– Уж не после этой ли передачи, – спросила Сумочка, – Анастасия Петровна вошла в Кладовку, обвела нас всех взглядом, погла-

дила Икону, вздохнула, развела руками да в дом подалась, чай пить?

– Вот-вот! Пьёт теперь Петровна чаёк из Чайника электрического, новомодного, который даже выключать не надо, – вступил в разговор пузатый блёклый, а некогда блестящий никелированный Самовар. – Налъёт водицы да в огород идёт за овощами или в курятник, яички собрать для омлета. А Чайник вскипел – щёлк! И стоит, Хозяйку ждёт. Ни забот, ни хлопот! А меня, бывало, обихаживала! Чистит до блеска, особливо перед гостями! Любил я, когда соседка Петровны, Клавдия Степановна, по совместительству подруга давняя, забегала чайку испить. Сидят бабёнки, прихлёбывают из чашек да беседа ведут. Вот уж я наслушаюсь! А уж если затеют чего покрепче выпить, наливочки какой, тут уж у меня бока звенят от хохота. Да закипаю от разговоров про мужиков нерадивых. А то заплачут, долю бабскую вспоминая.

– Чего это нерадивых?! – вступили в разговор Удочки да Короб, имущество мужа Анастасии Петровны Павла Ивановича.

– Руки золотые были у Хозяина, – произнёс Короб. – Это ж придумал меня, скототил, внутрь складывал снасти – блёсны, крючки, катушки с леской. А поверх сиденьице приделал. Сядет на речке на меня, как на табурет, закинет Удочку и сидит-посиживает.

– Да, да! – съёрничала Сумочка. – И бутылочку достанет, и стаканчик, и водочку потягивает, да огурчиком закусывает.

– А чего? – вытянулись Удочки. – Имеет право после работы, с устатку!

– Так-так! – не унималась Сумочка. – Работяга был наш Павел Иванович, тракторист знатный, а любил её, «горькую». Вот сердце и не выдержало, инфаркт разлучил мужа с женой. Скольких мужиков в России погубил «зелёный змей»!

В Кладовке наступила неловкая тишина.

– Прости, Господи, Светлая Память, – прозвучал шёпот Иконы.

Вновь Самовар продолжил рассказ:

– Говорит Анастасия Петровна: «Я хоть похоронила своего, а твой-то ходок где сейчас, Клава? Давно его не видела?» – «Давно, – отвечает Клавдия Степановна. – Говорят, он в соседней деревне от Нюрки Погодиной к Маруське Шастиной перебрался. Слава Богу, я хоть простила да отпустила его. Пусть себе гуляет. Нелегко с неверным мужем жить». А Петровна продолжает: «Я тут картинку в старом «Крокодиле» видела, чисто про твоего гулёну. Стоит баба на краю обрыва и мужичка своего скидывает. А внизу другая его сачком ловит». Прохохотавшись, женщины затаили «Вот кто-то с горочки спустился...». Ох, люблю я эту песню! – закончил свою речь Самовар.

– Ах, как же я обожала ходить с Хозяйкой по грибочки! – донеслось сверху, где на крюке висела Корзина, сплетённая из ивовых прутьев. – Бывало, сманит Анастасия Петровна соседку Клавдию Степановну, сойдёт утренняя роса, идут подружки наши в сосновый лес, что за огородами начало берёт. Пройдут с километр, а там просеки параллельные начинаются. Вот там и собирают грибы. Наша-то смелая, а Степановна трусиха, в лесу не ориентируется, а по просекам смело идёт – знает, не заблудишься.

Красота в лесу необыкновенная! А запах какой стоит! Кажется, бока распирает от духа хвойного. Грибов в хороший год видимо-невидимо! Маслята прямо на дороге стоят. Шляпки коричневые, скользкие, вот с ними-то дома возни будет – плёночку снимать! А уж как «разденет» Хозяйка маслёнок – лежит он голенький, беленький. Отварит да замаринует. А то с картошечкой, с лучком да со сметанкой пожарит – аромат на всю деревню! У собак и то слюнки текут.

А рыжики-красавцы! Волнушка, сестра рыжика, на фоне его цвета яркого, оранжевого блекнет, хоть и сама хороша. На тарелочке лежат рыжики, волнушки, в рот просятся – «не проходите мимо!»

– Помним, помним прелесть лесную! – с восхищением произнесли на полке Тарелки

со сколами по бокам. – А нас хотела Анастасия Петровна выкинуть, да рука не поднялась. Мы ж из Сервиза памятного, колхозом Петровне подаренного на юбилей. Уважали её на работе за трудолюбие и доброе отношение к людям.

А Корзина, не обращая внимания на трескотню Тарелок, продолжала:

– А я-то сама уж очень моховичкам была рада! Они яркие, жёлтые, как маленькие солнышки. Тут и зрение хорошего не надо, за версту видать.

– Так уж и за версту! – буркнула Сумочка.

Не будем осуждать её за старческую ворчливость. Ей часто снится сон, что она молодая, хороша собой и весело покачивается на руке Хозяюшки, а ручные механические Часики с браслетом шепчут ей: «Тик-так, тик-так...»

– Сколько на мне пережарили этих грибов – не счесть, – вступила в беседу чугунная Скворода. – Служила полвека верой и правдой. Осерчала, что ли, на меня Хозяйка, коль с вами теперь живу?

– Да не осерчала, а замену тебе нашла. Дочка, Алёна Павловна, в подарок маме Насте из города новомодную тефалевую сковороду привезла, а тебя, чудо чугунное, на пенсию отправила, – произнесла всезнающая Сумочка.

– «Тефаль, ты всегда думаешь о нас», – пробурчал фальцетом Телевизор. – Сидит, бывало, Петровна, смотрит мне в лицо-экран, а там фильмы старые идут – добрые, весёлые, незабываемые. И каждый раз хохочет. А как реклама начнётся, руками всплеснёт забавно – «тьфу ты, напасть» – и на Кухню спешит да Кастрюльками у печки брякает. Сам жду не дождусь, когда реклама-выскачка закончится, и Хозяйка ко мне вернётся.

– Какие щи да борщи во мне варила наша Анастасия Петровна! Наваристые, вкусные, ароматные! Тут уж и Печка старается, пытит, пыжится подо мной, – заговорила прохудившаяся Кастрюля. Была она по натуре

оптимистка. – А теперь будет у меня другая служба. Насыплет в меня Хозяйка земли с огорода плодородной да цветы посадит. Они с соседкой Клавдией Степановной негласно соревнуются, у кого в палисаднике Петунии красивее вырастут. Вот и я нежданно-негаданно попала в цветочную компанию! – гордо завершила свой монолог бывшая кормилица, Кастрюля эмалированная.

Телевизор, казалось, никого не слушал, был «на своей волне».

– Поменяли меня на доходягу иностранного! – с горечью проговорил он. – «Самсунг» называется. Худой, плоский. Фу ты!

– Не переживайте, дядя Телевизор! – сказали со своей полки Банки стеклянные. – Вы честно отслужили свою службу. Мы, глядя на вас, завидуем, сколько интересного вы повидали да порассказали. А наша жизнь какая? Скромная наша жизнь. Насолит, намаринует Анастасия Петровна огурцов, помидоров да капусты с петрушкой, укропом да чесночком, в огороде выращенными, да в подпол нас опустит. Стоим в темноте, часа своего дожидаемся. Потом по очереди нас достаёт, хрустит-похрустывает, картошечкой варёной прикусывает. Опять же Клавдия Степановна забежит разделить трапезу с подружкой. Ест да нахваливает: «Ну и вкусно же ты солишь, Настя, у меня так не получается!» – «Ой, да полно тебе, Клавушка, сама-то рукодельница какая!»

– Ах, кумушки-голубушки-подружки! – весело звякнули Банки. – Дорожат дружбой давней!

– Как-то вынесли меня на травку зелёную, сочную, у крыльца ковром расстилающуюся, Анастасия Петровна и Клавдия Степановна, – то завела разговор Лавочка деревянная, окрашенная, как и Крыльцо, краской жёлто-коричневой. Ей тоже было выделено место в Кладовке. – Сидят соседушки-подружки, семечки лузгают, на закат любуются.

– Дочка Алёнка недавно приезжала, – начала беседу Анастасия Петровна, – зашла в Кладовку и говорит: «Мамочка, ну зачем

ты хранишь это барахло?» Я-то вроде как и засомневалась, а и правда зачем? А потом говорю: «Да как же, Алёнушка? То ведь жизнь тут целая, память о дедушке и бабушке, о папке Павле, о молодости моей, о детстве твоём! А сорванцы твои, внучата мои любимые, близнецы Ярослав и Святослав, любят сюда заглядывать, когда гостят. Спрашивают: «Баба Настя, а можно мы пойдём клад искать?» – а сами – нырк в Кладовку. Сначала шепчутся, хихикают, а потом – только визг стоит! Крышкой Сундука брякают, на Счётах катаются, в Ванне дырявой сидят. А я хохочу себе тихонько, пока за ними наблюдаю». Больше Алёна этот разговор не затевала. А тут и сама пропала, ищу, а она в Кладовке сидит, рядом Коробка с её игрушками. Журналы свои детские «Мурзилку» да «Весёлые картинки» листает. На губах улыбка, а в глазах слёзы.

Я и сама как-то счёт времени потеряла, когда увлеклась просматривать «Здоровье», «Крестьянку», «Работницу». Помнишь, Клава, как почтальоны наши надрывались, нося огромные сумки с журналами и газетами?

– Помню, всё помню, – сказала Клавдия Степановна. – Дочь моя, Настя, в честь тебя, моя подруга дорогая, названная, опять меня к себе в город зовёт жить.

– Ну а ты?

– А я что? Тут мой дом, моя земля, воздух, которым дышишь и надышаться не можешь. Никуда я, пока в силе, не поеду.

– Твоя правда, Клава, – обняла подружку Анастасия Петровна.

На этом Лавочка закончила свой рассказ.

Тут все обитатели Кладовки, услышав крик первого петуха, притихли. Прикрылись Коробки, захлопнулась крышка Сундука. И только шёпот Иконы нарушал утреннюю тишину:

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Спаси, сохрани, помилуй нас, Господи. Да прости грехи наши, вольные и невольные. Да укрепи нас в вере нашей, Пресвятая Богородица. Аминь.